

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора философских наук, профессора Маркова Бориса Васильевича о диссертации Тимофеевой Оксаны Викторовны «Другой в философско-антропологическом контексте: проблема различия и границы между человеком и животным», представленной на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры

Теоретическая значимость диссертации О. В. Тимофеевой состоит в том, что в ней впервые представлена широкая панорама образов животного в истории культуры. Это существенный, оригинально исполненный вклад в развитие философской антропологии, способствующий её выходу из состояния «после смерти человека». Автор тщательно изучила сочинения классиков и выявила интересные рассуждения о природе человека и животного, на которые прежде не обращали внимания. Дискурсы о животном сообщают о человеке не меньше, чем описания его разумности и духовности. Человек определяется на фоне животного и наоборот. Перефразируя Маркса, можно сказать, что животные не представляют себя сами, их представляют ученые. Базовое понятие философской антропологии остаётся как бы в тени науки. Работа О.В. Тимофеевой является пионерской и восполняет существующий пробел.

Актуальность диссертации определяется не только необходимостью философского осмысления теоретических проблем, но и вызовом времени. Наряду с различными движениями эмансипации и гуманизации происходит изменение отношения к животным. Задача философии состоит в том, чтобы предсказать характер этого движения. Последствия могут быть не менее серьёзными, чем результаты сексуальной и гендерной революции.

Основные новые результаты диссертационного исследования О.В. Тимофеевой состоят в следующем:

Осуществлено комплексное исследование животного как антропокультурного феномена во взаимодействии с человеческими институтами. В диссертации обобщены результаты исследования животного, сложившиеся в истории философии, предпринята попытка сравнительного анализа различных подходов. В дополнение к нему предложена авторская методология деконструкции, в которой нарративы о животном рассматриваются в их сопряженности с ментальной и символической сферами, а институциональный подход дополняется философско-антропологическим анализом. Сформулированные в диссертации критерии антропокультурного измерения животного позволили выявить и проанализировать позитивные и негативные процессы. В частности, раскрыты антропологические и социальные последствия реактивации животного начала, вытесняющей традиционные гуманистические практики самосовершенствования.

Для концептуализации животного О.В. Тимофеева использовала наработанный дискурс о Другом, привнося в него такие новые элементы, как уточнение понимания животного на основе изучения развития представлений о Другом на разных этапах европейской истории. В языческих культурах, в частности, в Древней Греции, Другой, чужой, враг – это тот, кто угрожает порядку общества и космоса в целом. В христианских культурах Другой – это тот, кто не имеет души. В Новое время Другой – тунеядец, бродяга, безумец, словом, тот, кто не работает, и это становится критерием отличия человека от животного. Сегодня эволюция форм признания Другого осуществляется на фоне облегчения труда, увеличения свободного времени. При этом делиберативная

политика включенности Другого сталкивается с ксенофобией, ростом враждебности.

В методологическом отношении главное в диссертации – это то, что интерпретация воззрений на природу животного осуществляется не только в контексте того или иного исторического времени, но и путем сравнительного анализа с современными концепциями. Нельзя сказать, что Батай, Агамбен или Платонов "притягиваются за уши" к авторам, с которыми, кажется, у них нет никаких общих дел. Прием "осовременивания" в результате повторения в каждой главе, превращается в метод и является плодотворным в двух отношениях. Во-первых, таким образом видна преемственность, во-вторых, в горизонте современности лучше понимается смысл прошлого.

Использованная автором методология исследования истории представлений о различии человека и животного заслуживает одобрения. Это не просто описание по псевдоэволюционной схеме, а рациональная реконструкция, в которой смысл прошлого раскрывается в горизонте настоящего. При этом философская аналитика не сводится к выявлению и затем сопоставлению идей о человеке и животном в ту или иную историческую эпоху. В диссертации описываются разнообразные практики "одомашнивания" животных, т.е. подсоединения их к человеческому миру. Например, интересно представлены кажущиеся сегодня курьезными суды над животными. Они говорят о том, что даже в "тёмные века" Другой, будь то опасное животное, ведьма, или еретик, не уничтожались без суда и следствия, как говорили в 1990-е, "по понятию", а наоборот тщательно обсуждались, т.е. это было по своему «правовое» общество.

Если в эпоху Просвещения граница проводилась по линии интеллекта, то теперь главный критерий и одновременно аргумент в защиту животных – это то, что они чувствуют боль. Сложившиеся прежде

различия человека и животного репрессивны и нуждаются в пересмотре, но все же они оберегали от бестиализации, позволяли морально и юридически осуждать людей, поступающих как животные. Животное, которое живет внутри нас, всегда подлежало жесткой дрессуре. С ним ведут борьбу сначала родители и учителя, а потом мы сами. Поэтому следует просчитать последствия эмансипации животного.

Анализ содержания диссертации О.В. Тимофеевой позволяет акцентировать следующие положения, имеющие особо важное теоретическое или практическое значение.

В первой главе диссертации подробно анализируются элементы структуры дискурса о животном и проводятся параллели с дискурсом о человеке. Вскрывается проблематичность традиционного представления об амбивалентности сакрального и оппозиции «животное-человеческое».

Во второй главе, при объяснении тотемизма, жертвоприношения, а также судов над животными, автор исходит из особенностей общих верований, которые описываются на языке современной метафизики культуры. Если у греков главное предназначение человека состоит в сохранении порядка космоса, который не должны нарушать, в том числе и животные, то средневековые конфликты человека и животных, в частности, суды над животными, во многом обусловлены христианской теологией.

В третьей главе можно отметить новую формулировку картезианской дилеммы. По Декарту, животные не мыслят. Животное – это нечто вроде заводной игрушки, механического автомата. Они не только не мыслят, но и не чувствуют. Поэтому над ними проводятся анатомические эксперименты. Эту установку можно отметить у Павлова, она и сегодня ещё значима. Хотя признается нечто вроде "практического интеллекта" у животных, однако у них нет разума. Считается, что тела

человека и животного устроены примерно одинаково. Отличие видели в том, что у человека есть душа. Шелер говорил о духовных актах, Плеснер об «эксцентрической позициональности», Хайдеггер о «просвете бытия». При этом человеческая телесность тоже является по своему «одухотворенной».

В четвертой главе внимания заслуживает реконструкция места животных в системе Гегеля. Если в "Философии природы" организм трактуется как форма единства, предшествующая понятию то в "Эстетике" Гегель критикует естественную красоту и недостаточность животной жизни, лишенной духа. Пафос Гегеля слышится в доказательстве того, что разум способен опосредовать любую форму другого путем одухотворения. Другой – не только безумец, животное, но и человек как смертное существо. Его нельзя интернировать или изолировать, с ним нужно как-то жить. Но это не просто романтическая фантазия, а единство и борьба противоположностей. Человек должен раскрыть в Другом явление божественного и узнать себя.

Тимофеева сравнила гегелевскую типологию с борхесовкой "Китайской энциклопедией". Гегель признает природное разнообразие и считает, что общее следует искать в теории. Сравнение типологии животных у Аристотеля, Ламарка, Кювье и Гегеля, привело автора к выводу о том, что хотя Гегель отрицал эволюцию в природе, но его теория понятия напоминает дарвиновское определение вида как изменчивого формообразования.

В пятой главе О.В. Тимофеева придерживается французского прочтения Гегеля, основанного на интерпретации Кожева, для которого главное у Гегеля – опыт смерти и негативности. Полемизируя с Кожевным и одновременно предлагая оригинальное прочтение Батая, Тимофеева

рассматривает понятие «безработное негативности» как характеризующее не столько человека, сколько именно животное.

В шестой главе сравниваются тексты о животном Хайдеггера и Платонова. По мысли О.В. Тимофеевой, для Хайдеггера характерно радикальное исключение Другого. Он считал, что между человеком и животным лежит пропасть, что телесное сходство с животным непостижимо. В письме о гуманизме Хайдеггер писал, что животные приспособлены к окружающей среде, а человек дистанцируется от неё, он живёт в мире. Животное, повинаясь инстинктам, замкнуто, а человек открыт миру, он есть просвет бытия. Его фундаментальная онтология – вариант антропологического поворота XX столетия. В "Основных понятиях метафизики" Хайдеггер описывал различие человека и животного в терминах психосемантики. Главное настроение у животного – оцепенение, а у человека – скука, «мировая скорбь». Эти экзистенциалы стали отправными для Д. Агамбена. В книге "Открытое" он считает скуку началом антропогенеза. Тимофеева не прошла мимо другой Хайдеггеровской пары "сокрытое – несокрытое". Здесь в помощники, естественно, берётся Лакан.

Когда ищут "русского Хайдеггера", непременно останавливаются на Платонове. Однако при более обстоятельном сравнении находят скорее различие, чем сходство. Если Хайдеггер философ, как у нас говорили "от сохи", то Платонов – поэт техники. Оба понимали недостаточность политических революций и видели необходимость их завершения в форме глубоких культурных преобразований. Однако вожди не прислушались к их пророчествам.

То новое, что увидела в платоновской прозе Тимофеева, можно назвать инверсионной антропологией. Как и христианство, тоска по социализму – это ретроактивное переживание, возникающее в результате

недостаточности, необеспеченности, бедности существования. Бедная жизнь Платонова – это не "голая жизнь" Агамбена. При сравнении Хайдеггера и Платонова с современными философами всегда нужно учитывать, что одни жили в экстремальное время, в эпоху нищеты и бедности, а другие родились и жили в обществе благоденствия и в знак протеста против "организованного общества" выступали на стороне бедных и обездоленных (своих маргиналов, чужих мигрантов и, наконец, животных).

Сравнив высказывания Хайдеггера и Платонова, О.В. Тимофеева пришла к выводу о различии перспектив. Для Хайдеггера в молчании животного есть что-то мистическое, недоступное мысли. Как заметил Н. Рубцов в одном из своих стихотворений, лучше не встречаться с ним взглядом, особенно в темноте. Животное не просто другое, оно чужое. Между людьми и животными нет ничего общего. Открытое биологией и медициной сходство организмов и геномов не должно вводить в заблуждение. С феноменологической позиции телесность и психика человека и животного радикально отличаются друг от друга. Хайдеггеровское животное не существует, а просто живёт, не скучает, а замирает в ожидании пищи.

Другая перспектива у Платонова. О нём пишут как о романтике техники. Тимофеева нашла у писателя интересные и актуальные размышления о животных, а также специфичные медиумы коммуникации человека и животного. Конечно, это не рефлексия, а, скорее, разнообразные телесные практики, включая такие "брутальные" как поедание. Животное не жертва, а дар. Съедая мясо, человек обязан воспринимать и сохранять его "душу".

Конечно, в своих литературных описаниях Платонов наивно наделяет животных человеческими переживаниями. И всё же какая-то

коммуникация, понимание друг друга возможны. Описания Платонова можно сравнить с чувствами современных любителей комнатных животных. Но, если уж защищать права животных, то не следует ориентироваться только на переживания городских индивидуалистов, проживающих в изолированных апартаментах на пару с кошкой или собакой. За их трогательной заботой кроется эгоизм. Сохраняем мы таким образом природу или окончательно прощаемся с ней? Скорее всего, разговоры о животном являются верным признаком ее утраты.

Если платоновские животные – загадочные существа, не лишённые человеческих, и даже сверхчеловеческих, качеств, то Животные Кафки считаются фантазмами, хотя, чтобы их объяснить, одного психоанализа недостаточно. Превращение человека в отвратительное животное – это то, что происходит в буржуазном обществе. Сочинения Кафки – обвинение капитализму, где имеет место не только процесс отчуждения, но и бестиализации. Для сравнения Кафки с русскими писателями лучше выбрать Д. Хармса. Животные у Платонова и Заболоцкого, Пришвина и Арсеньева – это такие другие, у которых нам есть чему поучиться.

Творческая работа О. В. Тимофеевой не лишена недостатков. Судя по отсутствию выводов по главам, в которых обычно отмечают величие сделанного, в рефлексии нуждается то, что получилось.

В качестве *конкретных замечаний* можно указать следующие:

Всё время повторяется, что Другой пришёл на смену Бога. Прежде чем считать Другого секуляризированным понятием теологии, необходимо выяснить, какие божественные функции он сохраняет. Животное – это христианская «плоть», на укрощение которой были направлены аскетические и исихастские техники. Растабуирование его в современном обществе представляется чрезвычайно опасным. Автор не пользовался различием животного, в котором я живу, и животного, которое живет

внутри меня. Оправдывая животное, живущее внутри нас, мы не всегда становимся лучше. Опасно быть рафинированным, но без борьбы с животным началом, без жесткой дрессуры нельзя, как говорил Ницше, выковать человека. Главная опасность размывания границы – это угроза бестиализации самого человека.

Диссертантка обошла стороной естественнонаучные концепции и основанные на них утопии в стиле трансгуманизма. Медико-биологический дискурс рекомендует заботиться об организме, предполагает искусственные протезы. Эта установка обсуждается в аспекте развития высокотехнологичной медицины, которая доступна далеко не всем. Между тем, нуждается в рефлексии сама эта установка и в этой связи обращение к проекту «парка для человека».

На изменение представлений о животных повлияли этологи и зоопсихологи, открывшие поистине удивительные способности некоторых животных. Старые метафоры типа живого автомата уже не используются для их описания. Внимания заслуживает не только «Манифест киборгов», но и вполне добротные исследования Лоренца, Тимбергена и др. Стоило бы упомянуть труды Института человека, а также сотрудников кафедр философской антропологии в вузах России. Дело даже не в требовании профессиональной этики. В критическом анализе нуждаются кажущиеся собственными, а потому подлинными, убеждения и ценностные предпочтения. Ведь одним из важных результатов разговоров о Другом является то, что я – это не вполне я сам, во мне живет другой. И это не обязательно мозг, который, как считает Т. Черниговская, думает за нас. Тот настрой, тот язык, те установки, с помощью которых мы приступаем к обсуждению конкретной проблемы, это результат индивидуального усвоения традиций, которые сложились в рамках того или иного образовательного и научного сообщества. Но вне их существуют другие

миры, с жителями которых коммуникация необходима, прежде всего, для собственного развития.

Что касается темы «коммунизм и животное», то Тимофеева произвела явно монструозную модель. Картины ужасающей бедности, нищеты, описание людей, опустившихся до такой степени, что от них уже нечего ждать, можно истолковывать как обвинения и капитализму, и коммунизму. Автор, мне кажется, предпочла второй вариант. Но, может быть, Платонов искал некую точку, нулевую степень человеческого, с которой начинается подъём. Наверное, такая интерпретация тоже не соответствует намерениям Платонова. Может быть, его изображения "голой жизни" - это предупреждение. Читая Платонова и Шаламова, я отчетливо понимаю, что всеми силами нужно избегать чрезвычайных ситуаций. Вопреки мнению Сартра, оба российских писателя показали, что в экстремальных условиях, когда люди оказываются в положении животных, многие ведут себя хуже зверей.

Реанимация метафор животного не безопасна в политике. Пример тому – использование образов Левиафана и Бегемота для описания государства, по словам Ницше, самого холодного из чудовищ, когда-либо существовавших на земле. Такие вопросы не решаются в одиночку философами. Возможно, поэтому автор избегает политических коннотаций. Между тем, стоило бы сказать, что враждебность неистребима и просыпается в самое неподходящее время, в самой неожиданной форме. Политики снова стали использовать образ врага, биологи переносят его на вирусы и микроорганизмы. Историки увлеклись геополитикой и используют понятия паразитологии и иммунологии для описания отношений между народами. Ценностные ориентации автора, так или иначе, влияют как на содержание работы, так и на тональность ее дискурса. Они не предъявляются прямо, ибо считаются недопустимыми в

научном исследовании. На самом деле – это иллюзия объективности. Каждый имеет право заявить свою точку зрения, никому нельзя затыкать рот. Перспективизм исключает абсолютизацию и предполагает множество интерпретаций, которые подлежат критической оценке. Задача философа состоит в выявлении, как бы сказал Кант, условий возможности того или иного нарратива.

Что касается антропологии Гегеля, можно посоветовать перечитать «Философию духа». Она написана в контексте популярных в то время теорий «животного магнетизма» Мессмера и Хуффеланда, а также в физиогномики Лаватера.

Сюжет, продуман, работа хорошо выстроена и не вызывает раздражения, но хорошо бы оформить удовлетворяющий художественному вкусу текст формулировками проблем и выводами по главам, которые часто заканчиваются цитатой. Можно отметить ещё одну особенность сюжета. Автор кратко воспроизводит концепцию, описывает её интерпретации, но затем вводит другого мыслителя, точнее, смотрит на его тексты другими глазами. Не всегда своими, ибо пользуется оптикой современных авторов от Батайя до Подороги. Вместе с тем, ходы мысли от Аристотеля к Симондону, от Гегеля к Кафке интригуют, но оставляют неясности. Автор придерживается мнения о сходстве, включенности литературы и философии. Каждый великий писатель – создает свою метафизику. На самом деле между философом и писателем есть глубокое качественное отличие. Границы, конечно, проницаемы, но подсоединение опосредуется разного рода фильтрами и мембранами, благодаря которым внешнее осваивается внутренним. В результате прямого сопоставления текстов происходит «короткое замыкание». Более приемлемым представляется предложение Ницше излагать философию в литературной и даже в музыкальной (имеется в виду тональность слов) форме.

Приведенные замечания не отменяют общей положительной оценки работы. Диссертация выполнена на высоком теоретическом уровне, основана на обширном анализе исторических источников и современного фактического материала и является самостоятельной научной работой, в которой решаются актуальные проблемы современной философской антропологии. О.В. Тимофеевой сформулированы обоснованные выводы, имеющие существенное значение для раскрытия связи сакрального как с экзистенциальными, так и с социально-политическими процессами. Личный вклад соискателя состоит в самостоятельном проведении философско-антропологического исследования истории и теории сакрального и в разработке концепции, которую можно квалифицировать как научное достижение, содержащее новые научные результаты и положения, которые могут применяться в исследовательских и учебных целях. Материалы исследования могут быть использованы для проведения антропологической экспертизы общественного сознания, а также для разработки курсов и спецкурсов по философии и антропологии сакрального.

Автореферат диссертации соответствует основному содержанию работы. Публикации в журналах, входящих в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук, отражают результаты проведенной работы. Диссертационное исследование «Другой в философско-антропологическом контексте: проблема различия и границы между человеком и животным» соответствует требованиям пп. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Правительством РФ 24.09.2013 г. № 842, и его автор, Тимофеева Оксана Викторовна заслуживает присуждения

степени доктора философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры.

Официальный оппонент:

Доктор философских наук (09.00.01- онтология и теория познания),

профессор, профессор кафедры философской антропологии

Института философии Федерального государственного бюджетного

образовательного учреждения высшего образования

«Санкт-Петербургский государственный университет»



Марков Борис Васильевич

11.09.2018 г.

Адрес:

199034, Санкт-Петербург

Университетская набережная, д.7-9

Телефон: +7(812) 328-20-00

+7(812) 328-44-08

E-mail: b.markov@spbu.ru

Сайт: <http://www.philosophy.spbu.ru/faculty>

ЛИЧНУЮ ПОДПИСЬ



ЗАВЕРЯЮ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ СПбГУ

Н. К. КОРЕЛЬСКАЯ

